

ти в пространство «большой размерности», для того, чтобы повысить предсказательный потенциал модели. Включение в ракурс модельного рассмотрения оппозиционных феноменов творчества позволяет сам процесс моделирования представить как процесс создания переменного напряженного состояния между оппозициями. Вдох и выдох – естественные оппозиции процесса дыхания, являющиеся необходимым условием жизни. Снятие противоречия между вдохом и выдохом (то есть остановка дыхания) – это смерть. У вдоха своя логика и свой метаболизм, а у выдоха – своя. Поскольку оппозиции – это не качества, которые могут развиваться, а могут и нет: это имманентное свойство творчества, мы включаем в модель не просто диалогичность оппозиций, а диалогичность, как диалог разных логик. Единичность, неслиянность и нераздельность оппозиционных феноменов творчества – первоматрица абсолютных форм существования и несуществования. Оппозиционное

моделирование позволяет работать с динамикой транскоммуникации – взаимных переходов разных коммуникативных уровней; трансвременностью – взаимного перетекания временных горизонтов; трансгрессией – взаимозахвата и конкуренции; «трансволюции» – взаимными переходами эволюционного и инволюционного пути развития системы. Транскоммуникация, трансвременность, трансгрессия и трансволюция создают основу динамической тетралектики творчества, позволяющей полноценно учитывать амбивалентность творчества и инноваций, а также особенности взаимодействия оппозиционных феноменов творчества.

Очевидно, что современной науке необходимы подходы, переопределяющие существующие границы концепций, прогнозирования и управления. В этом контексте антиномическая ориентация исследований творчества на базе коммуникативного подхода представляется актуальной и перспективной.

Литература

1. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
2. Доклад «Российское образование 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях». Режим доступа: <http://www.hse.ru/temp/2008/files/education-2020.pdf>
3. Воловикова М., Трофимов А. Возвращение к себе (психология, символ, культура). М.: Товарищество российских книгоиздателей, 1995. 191 с.
4. Эксклюзивное интервью с Михаем Чиксентмихайи (Д. Леонтьев, сентябрь 2005 г.). Режим доступа: <http://www.positivepsychology.ru/history/interview.htm>
5. Ключко В. Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига // Сибирский психологический журнал. Томск: ТГУ, 2007. № 26. С. 15–20.
6. Boles S. A model of routine and creative problem solving // J. Creative Behavior. 1990. No. 24(3).
7. Sapp D. David. The point of creative frustration and creative process a new look at old model // J. Creative Behavior. 1992. No. 26(1). P. 21–28.
8. Краснорядцева О. М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Дис. ... докт. психол. наук. Барнаул, 1996.
9. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
10. Частоколенко Я. Б. Динамические особенности первичного творчества. Томск: Изд-во ТПУ, 2005. 266 с.
11. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
12. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс. 1974. 390 с.
13. Рибо Т. Творческое воображение. СПб., 1991. 140 с.

Поступила в редакцию 12.01.2009

УДК 159.922, 316.37

Л. В. Шабанов, В. В. Лапшин

ПАРА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ – ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ» КАК РЕГУЛЯТОР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ СУБКУЛЬТУР

Институт теории образования ТГПУ, г. Томск

Маргинализация молодежи и среднего класса в результате затянувшихся экономических реформ и социальной нестабильности, отсутствие интегрирующих идеологических ценностей, а также депопуляция этнофорного населения, связанная и с «утечкой мозгов», и с острыми социальными проблемами моло-

дежи с особой остротой ставят вопрос о межгрупповых взаимоотношениях. Традиционно принято выделять четыре блока социогенных потребностей: потребность в сотрудничестве, кооперации, совместных коллективных действиях, взаимопомощи; потребность в лидерстве, управлении, руководстве; потребность в

передаче информации, коммуникативном обмене мнениями, знаниями и т.п.; потребность в самовыражении, самоутверждении, самореализации и тесно связанная с ними потребность в престиже, уважении, успешности.

Сегодня политологи все чаще констатируют проблемы по всем указанным выше направлениям. Маргинализация этнически русских жителей в странах СНГ. Объективная этнопсихологическая двойственность в усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, когда каждый россиянин оказывается вовлеченным в систему различных межгрупповых отношений, в первую очередь межэтнических.

Европейскими странами в качестве основополагающего принципа гармонизации межличностных отношений был предложен принцип толерантности, происходящий от латинского слова *tolerance* (терпимость). 16 ноября 1995 г. ЮНЕСКО была принята «Декларация принципов толерантности». Год принятия этой Декларации был объявлен Годом толерантности, а день принятия – Днем толерантности.

С принятием Декларации ЮНЕСКО толерантность перестала быть философской категорией, описывающей определенное отношение некоторого субъекта «А» к некоторому объекту «В», а стала политической оценкой, которая дает возможность воздействовать на оппонента в тех или иных вопросах. Например, мэра Москвы в публичной дискуссии на ТВ обвиняли в отсутствии толерантности в связи с запретом гей-парада в столице. Толерантность, в контексте Декларации ЮНЕСКО, понимается исключительно как позитивная характеристика и практически не связана с объектом, на который направлена. Однако способствует ли оценочный характер понятия «толерантность» гармонизации межэтнических отношений?

Перенаселение территории наших соседей, низкая заселенность российских территорий, богатство недр этих территорий вызывает высокий уровень притязаний на российские земли и способствует миграции на эти территории представителей различных народов. США, Япония, Китай и Арабский мир на своих картах давно поделили постсоветское пространство на свои провинции, области и колонии.

Однако с 1985 г. социальную ситуацию в СССР можно было охарактеризовать как «период общественного успокоения», которая благодаря короткой исторической памяти (с IX в. этнический конфликт всегда заканчивается войной за право выжить) и правильного PR (поражение в «холодной войне») привела в итоге «Советский этнос» к коллапсу. Наше общество приняло постулат о дружественном добрососедском окружении и утратило главные консолидирующие образы (перспективу развития и образ врага). Появление иностранных гостей, советников, посланников и помощников вызывало некритичное одобрение и готовность поддержания сотрудничества даже

в ущерб себе. Мы забыли, что «первые» (пришельцы или гости) всегда вооружены, что для *первых* – это frontier, граница цивилизации, граница освоенного пространства. И довод у них только один: «все вокруг чужое, а значит, опасное» – это иная планета, иной материк, чужая флора и фауна. А лучшая защита – это нападение, потому что враг – тот, кто нападает, а нападением считается все непонятное или непонятое. Но если ты оказался на звериной тропе, а страшных и опасных животных гонит на тебя пожар? У «первых» нет понимания, что «Alien», то есть «Чужой», это не персонаж из фильма Р. Скотта, являющий собой ужасное чудовище, а местный обитатель. А «Чужим» для аборигена является сам разведчик, проникший извне в этот мир.

Впрочем, *первые* – это не какое-то самостоятельное «исчадие ада» (нет плохих народов, есть плохие люди). Это всего лишь наемные рабочие, которые своими действиями выполняют «общественные» заказы *вторых* (государства, правительства, концерны, корпорации, секты, стратегический аутсорсинг). *Вторые* – это все те, кому необходимо знать, как с минимальными потерями не только освоить подлежащее пространство, но и получить от этого множественные выгоды. Вспомним хотя бы теорию инструментальной агрессии, основным мотивом которой является достижение какой-либо позитивной для своей референтной группы цели. Самая позитивная цель – это новые рынки сбыта, безопасное продвижение своего бизнеса, и люди («Чужие») со своими индивидуальными психологиями, маниями и фобиями в расчет не берутся – это естественное правило биологического выживания видов.

Существуют два сценария развития межэтнических отношений. В одном случае межэтнические взаимоотношения рассматриваются при стабильном распределении этносов, при сложившемся разделении рынков труда и сфер бизнеса. Такой характер межэтнических взаимодействий можно было бы назвать статичной полиэтнической общностью. В этом случае конкуренция в обществе реализуется через взаимодействие отдельных индивидов, а не этнических группировок.

В другом случае межэтнические взаимоотношения развиваются на фоне стремительного изменения этнического состава общества, на фоне обострения конкуренции за рынки труда и сферы бизнеса. Конкурирующими субъектами в этом случае становятся не индивиды, а этнические общности. Такое состояние взаимодействий между этносами формирует динамичную полиэтническую общность. Если в первом случае толерантность помогает законсервировать сложившуюся в обществе структуру, то во втором случае, когда система отношений динамична, толерантность одних создает условия другим для изменения сложившейся системы взаимоотношений. В динамичных полиэтнических общностях интолерант-

ность (нетерпимость) отвечает за консервацию сложившейся в обществе структуры.

Заметим, что консервация сложившихся в обществе отношений, не является ни положительной, ни отрицательной характеристикой этой структуры, соответственно толерантность и интолерантность, как механизмы консервации общественных взаимоотношений, так же не могут иметь характер нравственных оценок.

Позитивный оценочный характер, который придается понятию толерантность некоторые авторы: «Толерантность является ключевым духовно-нравственным принципом гражданского общества. Уровень толерантности отдельного человека во многом характеризует его личные качества, нравственную зрелость и культуру, обуславливает его отношения с другими людьми» [1], – затрудняет философское осмысление и использование в гармонизации межэтнических взаимодействий диалектической противоположности толерантности – интолерантности, где под интолерантностью понимается неприятие каких-то черт культуры и обусловленного ими поведения некоторых социальных, этнических и профессиональных групп.

В октябре 2001 г. прошла конференция «Толерантность как норма жизни в мире разнообразия» и приуроченная к ней студенческая школа «Толерантность против ксенофобии», приведем «сухой остаток»: «А. Г. Асмолов призвал всех к лозунгу: «понимание, понимание и еще раз понимание... толерантность – искусство цивилизованного компромисса». Д. А. Леонтьев ввел понятие «рантность» и все свое выступление гадал: «то ли рантность, то ли не рантность». Е. Шестопал заявила о том, что «нетерпимость – столь же необходимое качество человеческого общежития», напоминая всем «о границах и об ответственности за их размывание». А. У. Хараш говорил о том, что толерантность – это то Божественное, что дано нам от рождения. А уже в процессе жизни, социализации человек научается видеть границы и быть интолерантным. Отсюда и вывод, что «нельзя обучать толерантности, можно лишь отучать от интолерантности, которой уже научились. Сделать же это можно только в диалоге» [2].

Анализируя приведенные высказывания, отметим, что толерантность в них рассматривается как качество субъекта, ее испытывающего и не связанного с объектом этого отношения. Для полного понимания толерантности надо понять, на какой объект она направлена, и ответить на вопрос, чем отличается толерантное отношение к качествам объекта от интолерантного. Лучше всего в этом случае исходить из определения, данного в статье 1 Декларации ЮНЕСКО: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода

мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира».

При таком подходе толерантность определяется как «принятие... многообразия культур», а интолерантность – «неприятие некоторой культуры». Что это означает практически, чем отличается толерантность от интолерантности, если под культурой понимать музыку, живопись, литературу? Неужели разница между толерантной и интолерантной личностью сводится к тому, что толерантный человек будет слушать музыку, которая ему не нравится, а интолерантный ее выключит?

Естественно, нельзя свести интолерантность к отказу от восприятия чуждой культуры. Очевидно, есть другие формы интолерантности и другие причины, ее порождающие, так как к культуре относятся не только различные формы творчества, но широкий спектр феноменов группового сознания, которые влияют на поведение представителей группы. В групповом сознании могут быть идеи, традиции, поведенческие стереотипы, порождающие негативное поведение. Как оценивать толерантность в этом случае?

Для решения данной задачи термины «терпимость» и «терпение» разделяются. «Терпение» при этом определяют как «уровень, психологический порог восприятия личностью (общественными слоями, группами) неблагоприятных для нее социальных, духовных и других воздействий, выше (более) которого она теряет свою психологическую и волевую стойкость и способна к непредсказуемым действиям» [1]. При таком определении, связанным с «уровнем, ... порогом восприятия», отделяющим контролируемые действия от неконтролируемых, фактически вводится граница между различными уровнями интолерантности.

Можно, конечно, переопределить понятие «терпение», обозначив им отношение к деструктивным феноменам группового сознания, а за термином «терпимость» оставить отношение к оставшимся формам группового сознания. Но и такое переопределение не снимает проблемы. Безусловно, *хорошо*, когда одни *хорошие люди* хорошо относятся к *хорошим поступкам* других *хороших людей*, но это утверждение ничего не дает. Необходимы категории, описывающие взаимоотношения между людьми, различные свойства которых оцениваются с разных позиций по-разному.

Толерантность, с самой общей точки зрения, – отношение субъекта к объекту, основанное на «терпимости» и «приемлемости» объекта и его качеств. Интолерантность соответственно – отношение субъекта к объекту, основанное на «не-терпимости» и «не-приемлемости» всех или некоторых качеств объекта для субъекта. Очевидно, что отношение субъекта к объекту определяется не только качествами субъекта, но и

качествами объекта, то есть причиной интолерантности может быть не только субъект, но и объект. При этом ведущими факторами интолерантности могут оказаться отдельные внешне несущественные качества объекта. В этом случае «не-терпение» деструктивных качеств объекта, интолерантность к ним, может привести к ликвидации деструктивных качеств и установления толерантного отношения субъект–субъект. Таким образом, интолерантность может стать механизмом гармонизации во взаимоотношениях этнических, социальных, религиозных и прочих групп.

Здесь следует выделить противопоставление толерантности и ксенофобии. Безусловно, ксенофобия – это интолерантность, но это не единственная форма интолерантности, а ее крайняя «болезненная» форма. Если общество, стремясь к гармонизации межэтнических взаимоотношений, вовремя создаст адекватные механизмы воздействия на объект интолерантности, то и у субъекта этого качества интолерантность не примет форму ксенофобии. Проще говоря, если правоохранительные органы вовремя пресекут деятельность этнической мафии, распространяющей в регионе наркотики, вряд ли кто будет жечь дома представителей этого этноса, а если наркомания захлестнет город, то возможны и непредсказуемые действия жителей, которые потом будут расценены как проявление ксенофобии.

Однако развитие чувства толерантности зачастую связано с навязыванием и закреплением за определенной этнической группой чувства вины. Эффект толерантности является не более чем акцией, негативным «инструментом» в процессе этнической макроуровневой социализации в глобальное сообщество. При этом православная традиция соборования и традиционный путь «со-болезнования» в русской мессианской идее приходится очень кстати, идеально «укладываясь» в концепцию взаимоотношений для бывших геополитических соперников, стран постсоветского пространства, стран «Третьего мира».

Почему же чувство вины оказалось настолько действенным мотиватором поведения среднестатистического этнофора в России? Карлсмит и Гросс, которые исследовали процессы послевоенной денацификации Германии, предположили, что существует, по крайней мере, три возможных объяснения: 1) *симпатия*, или чувство раскаяния по отношению к жертве; 2) *реституция*, или ощущение потребности возместить ущерб, нанесенный дурным поступком; 3) *генерализованная вина*, или желание восстановить «Я»-образ, запятнавшим его поступком [3].

Что же произойдет, когда жертва проступка предлагает прощение виновной стороне? Как это ни странно, но нарушитель гораздо вероятнее исполнит требования пострадавшей стороны только тогда, когда все прощено. То есть когда данная «отработка» скорее связана с добровольным волеизъявлением, нежели желанием оправдаться в глазах пострадавших,

ведь именно это оправдание и будет главным доказательством признания своей вины (равно как и демонстрация собственной ущербности).

Впрочем, предложение прощения в качестве «полного расчета с прошлым» оказывается, как правило, «двойной пощечиной» – сначала человека признают виновным в проступке, а затем, как неполноценного, неспособного исправить ситуацию прощают за неимением с него другой пользы.

Необходимо также отметить еще один типичный ответ на чувство вины, порожденное совершением поступка против другого, он заключается в унижении жертвы (Дэвис, Джоунс). Другими словами, после того, как мы публично «покрытиковали» другого человека, мы ищем способы оправдать свои поступки. Один из способов добиться этого состоит в том, чтобы обвинить в нашем поведении человека, на которого была направлена наша же вербальная агрессия: «глуп, коварен, порочен и т.д.». Именно такой механизм и работает в среде смешанных этнофоров, рассматривающих проблему соотношения толерантности и ксенофобии. Она идентифицируется с проблемой соотношения уровня нормативного поведения и разности величин статусов субъектов в группе. «Идиосинкразический кредит» по отношению к маргинальным величинам является одним из условий внедрения в жизнедеятельность группы элементов нового, но подобная инновация, как показывает исторический опыт, тяготеет к созданию невертированной (перевернутой) системы ценностей [4].

Теперь же обратимся к восточной традиции. Главная ошибка принципа толерантности, равно как и объяснение причин ксенофобии в социальной психологии – это именно отрыв от исторических традиций. Восток – дело не только тонкое, но и темное; на Востоке традиционно преобладает не столько чувство вины (связанное с самонаказанием), сколько чувство стыда, т.е. страх быть разоблаченным и, значит, наказанным.

Отсюда собственно и жестокая (деспотичная) традиция не оставлять свидетелей своего недостойного поведения, вырезая всех «до седьмого колена». А это значит, что восточная толерантность, доставшаяся большинству мусульманских народов от древних и средневековых кочевников, – это терпимость *мен«Я»* – недостойного *«мною»* – сверхморальным.

Такая толерантность не имеет ничего общего с принципами западного гуманизма, когда «Я»-концепция индивида (культурной единицы) строится на общественных принципах равноправия потребностей и свобод. А толерантность означает равноправную социальную адаптацию индивидов в процессе формирования новой этнокультурной массы.

Если учесть социальную экспансивность (степень выраженности и окрашенности социальных чувств по отношению к другому этносу), национальную психологию (стихийно возникающая совокупность чувств, настроений, потребностей, реализуемых преимуще-

ственно внутри этнической общности), психический склад этноса (специфический способ восприятия и отражения членами этнической общности различных сторон окружающей действительности), то в РФ, с ее многонациональным населением, складывается еще и так называемая объективная этнопсихологическая маргинальность, т.е. усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, не вызывающее у человека ощущения кризиса личности, но «размывающее» его национальную идентичность.

Именно она, этнопсихологическая двойственность, сегодня сопровождается ярко выраженным комплексом субъективного переживания кризиса этнической идентичности, может либо привести к окончательному размыванию русского этнофорного сообщества под эгидой лозунга толерантности, либо вызовет бескомпромиссный всплеск массовой ксенофобии в самых ее крайних проявлениях – экстремизм, расизм, фашизм.

В заключение нам хотелось бы отметить, что авторы ни в коей мере не пытаются придать понятию «толерантность» негативный характер, а понятию «интолерантность» – позитивный. С нашей точки зрения, эффективнее другой подход, который базируется на принципах суфизма. Согласно этому подходу, для оценки того или иного явления крайне важно учесть время, место и обстоятельства, при которых оно имело место. Без учета того: кто, когда, к кому или к чему и при каких обстоятельствах проявил толерантность или интолерантность, нельзя определять отношение. Фактически, роль толерантности и интолерантности в оптимизации межгрупповых отношений подобна роли педалей газа и тормоза в управлении машиной, т.е. толерантность и интолерантность нужно рассматривать как равноправные категории гармонизации межгрупповых взаимоотношений при различных обстоятельствах.

Литература

1. Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции // Социология культуры. М., 2003.
2. Информационный раздел // Сибирский психологический журнал. 2002. № 14–15. С. 151–152.
3. Аронсон Э., Пратканис Э. Механизмы убеждения. СПб., 2002.
4. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб., 2001.

Поступила в редакцию 18.06.2008

УДК 159

И. Л. Шелехов, Е. Н. Скрипачёва

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время демографический кризис и проблема репродуктивного здоровья оказались в фокусе общественного внимания, ситуация открытого обсуждения данных проблем и их значимость для общества принципиально нова для нашей страны. Это объясняется тем, что за последние годы в системе ценностей российских женщин произошли серьезные изменения, что не могло не отразиться на поведенческих реакциях и установках в отношении материнства [1]. Наблюдается трансформация традиционных стереотипов репродуктивного поведения, меняются паттерны семейных отношений. Создание семьи откладывается на более поздний возраст, уменьшается количество детей в семье, дилемма «ребенок или карьера» все чаще решается женщинами в пользу карьеры. Между тем функция деторождения имеет в судьбе женщины фундаментальный характер [2].

Термин «репродукция» (от лат. *productio* – производство) в биологических науках обозначает самовоспроизведение, размножение, производство

потомства. По аналогии с биологией был предложен термин «репродуктивное поведение», имеющий демографический смысл [3].

Репродуктивная функция – это способность человека к воспроизводству. Вопросы влияния социума на репродуктивные установки женщины, состояние ее здоровья в период ожидания ребенка входят в предметную сферу многих наук – психологии, демографии, социологии, медицины.

Проблемы репродуктивного поведения в отечественной науке исследуются почти полвека. Несмотря на то, что само понятие репродуктивного поведения введено в научный оборот позже, те аспекты, которые и составили суть этого термина, занимали умы исследователей еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Репродуктивное поведение – система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака. Данное определение было предложено В. А. Борисовым в начале 1970-х годов. Позже этот исследователь, наряду с